

РОССИЙСКИЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС

*К.Э. ЯНОВСКИЙ,
С.В. ЖАВОРОНКОВ,
С.Г. ШУЛЬГИН*

Возникает ли окно возможностей у холопов при драке панов?

В статье на основе математических моделей предпринята попытка формализованного описания процесса становления конституционно ограниченной власти при балансе сил конкурирующих за власть “стационарных бандитов”.

Ключевые слова: “стационарные бандиты”, коалиции, демократия, авторитаризм, общественный договор.

The author on the basis of mathematical models attempts to formalize description of process of formation of constitutionally limited power at the balance of forces competing for power “stationary gangsters”.

Keywords: “stationary gangsters”, coalitions, democracy, authoritarianism, the public contract.

В истории нередки примеры затяжных войн коалиций “стационарных бандитов”¹ за контроль над территорией. В статье [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2007] были описаны некоторые современные случаи борьбы таких коалиций за территорию. Там же как возможный частный случай было упомянуто равновесие сил. Ниже мы подробнее остановимся на этом случае. Он интересен тем, что из подобных противостояний в ряде стран Европы выросли в свое время институты, заложившие фундамент современных правовых демократий.

Попытки определения демократии и маршрутов ее становления

Согласно определению Р. Даля, демократия – это способ правления, характеризующийся следующими признаками: всеобщее “эффективное” участие, “понимание”,

¹ М. Олсон ввел термины “бродячего” и “стационарного бандита” для описания простых моделей поведения лидера, чья власть основана на насилии. Постоянно контролирующей территорию насильник (“стационарный бандит”) имеет стимул максимизировать долгосрочный сбор податей. Совершающий набег “бродячий бандит” стремится отнять все, что найдет [Olson, 2000].

Яновский Константин Эдуардович – кандидат экономических наук, заведующий лабораторией институциональных проблем Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара (ИЭП).

Жаворонков Сергей Владимирович – старший научный сотрудник лаборатории институциональных проблем ИЭП.

Шульгин Сергей Георгиевич – кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

основанное на информированности, осуществление контроля за повесткой дня и “включенность в жизнь общества” [Даль, 2000]. Это сложное и плохо формализуемое понятие, но оно чрезвычайно популярно в западных странах среди ученых-гуманитариев и государственных служащих.

Ч. Тилли пользуется аналогичным приемом (перечислением признаков – требований) для определения демократии [Тилли, 2007, с. 16–18]. Он ссылается на организацию, много лет занимающуюся мониторингом политических режимов, – Freedom House. Ее эксперты, чтобы определить политическую систему страны как демократию, пытаются установить наличие в стране: партийно-политической конкуренции, всеобщего избирательного права для всех взрослых граждан, регулярно проводимых выборов, доступа основных партий к СМИ (<http://www.freedomhouse.org/>).

Следует заметить, что требование “всеобщего избирательного права для всех взрослых граждан” имеет очевидное, но сомнительное обоснование. Наиболее продолжительные периоды демократического развития и почти вся демократическая традиция, начиная с Античности, оказывается как бы отсеченной от понятия “демократия”. То есть демократия, если последовательно применять этот подход, не имеет, как полагали, к примеру, отцы-основатели США, античных корней. Да и сами отцы-основатели оказались бы “отлученными от демократии”. Даль, правда, соглашается с тем, что демократия – понятие исторически обусловленное (соответственно, признает США и Великобританию XIX в. странами относительно демократическими), однако восходящее к своим высшим формам, для которых уже обязательно и всеобщее право голоса для всех взрослых жителей страны и, что существенно, разделенность центров власти, распределенность власти – “полиархичность”.

Даль также отмечает, что демократия складывается при определенных условиях и задается вопросом, каковы эти условия, высказывая гипотезу, что историческая предпосылка демократии – раскол элиты, создающий у “бандитов” привычку “к поиску взаимных гарантий” [Dahl, 1972, p. 38]. Он утверждает, что этот эволюционный путь закрыт для современных государств, и обоснованно замечает, что меньшие возможности для власти физически уничтожить оппозицию стимулируют вынужденную терпимость к таковой. При этом Даль утверждает, что отношения собственности в данном случае не играют роли, хотя основатели и защитники старых правовых демократий (Нидерланды, Великобритания, США и т.д.) были, как правило, людьми среднего или высокого достатка, заинтересованными в защите собственности. Да и такие известные факты, как, например, опасения, что король может нарушить соглашение с генералами О. Кромвеля о реставрации и о защите и признании прав собственности, играли важную роль и в Славной революции.

Даль не отрицает, но недооценивает, на наш взгляд, почти игнорирует роль насилия в становлении первых правовых демократий. Тилли же напрямую указывает на насилие как источник мешающего демократическому продвижению “категориального неравенства”. Между тем становление многих первых правовых демократий сопровождалось либо национальными войнами (за независимость), либо гражданскими войнами. Франция к тому же воевала за гегемонию в Европе. Проблемы отсутствия консенсуса по базовым ценностям решались депортациями или добровольной эмиграцией проигравших, не говоря уже о гибели в результате самой войны (католики в Нидерландах, католики и монархисты в Англии, лоялисты в США).

Д. Норт полагает, что даже техническая и военно-техническая эволюция в Европе способствовала формированию новых институтов. Удорожание армий требовало непосильных для многих королевских дворов расходов и обусловило “продажу” прав и привилегий представителям состоятельных граждан – то есть привело к становлению первых парламентов [North, 2005, p. 131–132]. Он с соавторами специально фокусируется на проблеме насилия и его роли в работе о насилии и социальном устройстве [North, Wallis, Weingast, 2009]. В ней представлена модель, согласно которой государство консолидируется как динамичная в долгосрочном периоде коалиция сильнейших игроков (военных лидеров, полковых командиров) для извлечения ренты. Затем

под давлением угрозы революции со стороны неимущих правящая коалиция идет на уступки, закрепляя конституционно демократический порядок формирования правительства (такая модель перехода к демократии была описана впервые Д. Асемоглу и Дж. Робертсоном [Acemogly, Robertson, 2006]). Норт – как и авторы используемого им сценария становления демократии (ее он называет обществом, порядками “открытого доступа” – Open Access Orders), очевидно исходит из определения демократии близкого к определениям Даля и Тилли. Перечисляя пять характеристик своего общества “открытого доступа”, он практически повторяет упомянутые выше критерии [Тилли, 2007], добавляя лишь одну важную характеристику – следствие правовой демократии – (возможность) неперсонифицированного обмена. Отдельно Норт и его соавторы упоминают монополию государства при “открытом доступе” на насилие (очевидно, самооборону, вторую поправку о праве на ношение оружия, “гражданский арест” и иные важные для защиты прав и достоинства явления и институты они не считают ключевыми).

В настоящей работе мы предпримем попытку немного приблизить модели и формальный анализ к реальным историческим прототипам. С нашей точки зрения, **под демократией будет пониматься политическое устройство с конкуренцией политических сил (кандидатов и партий), которое, в сочетании с конкуренцией средств массовой информации², религиозных и культурных групп, обеспечивает ограничение власти, какую бы коалицию она ни представляла.**

Прежде всего мы рассмотрим примеры конкуренции “бандитов” и ее последствия для демократических институтов. Иными словами, попробуем поставить под сомнение предположение Даля о том, что в наше время закрыт, исчерпан эволюционный путь становления институтов, ограничивающих власть (конституционного строя) в результате устойчивого и/или воспроизводящегося раскола элиты. Раскола, который подталкивает игроков при определенных условиях искать договорной выход из ситуации, дабы избежать издержек неопределенно длительного продолжения конфликта.

“Административная конкуренция” в современной России. Модели “административных войн” в российских регионах

Кроме конкуренции на выборах, институт которых в России в целом ряде регионов оставлял желать лучшего даже в 1990-е гг., а начиная с середины 2000-х гг. последовательно ликвидировался, в стране существовала и сейчас существует своеобразная административная конкуренция различных административно-финансовых кланов. Она проявляется в борьбе за контроль над теми или иными должностями в системе власти – как связанными с выборами (например, пост главы муниципалитета, а до 2005 г. – и пост губернатора), так и не связанными с ними (посты чиновников, назначаемых федеральным центром, – глав региональных УВД, ФСБ, следственных комитетов, прокуратуры, ГТРК, с 2005 г. – и губернаторов). Важны контроль или сопричастность и к деятельности филиалов различных государственных и квазигосударственных компаний. Некоторое значение в системе принятия решений имеет и контроль над региональной Единой Россией. Хотя полномочия регионального отделения, по сути, совещательные по отношению к всевластным центральным органам, но иногда важен и этот “совещательный” голос, пренебрежение которым может быть чревато скандалом. Иногда бывает интересен контроль над брендами даже прочих “системных партий” вроде КПРФ, ЛДПР или Справедливой России – либо как источник ресурса для участия в выборах (минимум половина мест в региональных легислатурах, а иногда и до 100% мест в легислатурах и муниципалитетах могут распределяться по партийным спискам, что означает невозможность иного участия в выборах, кроме как через отделения “системных партий”), либо как отсутствие такого ресурса для конкурентов.

² Включая прессу, оппозиционную власти, то есть прессу, обвиняющую высшее руководство страны в аморальности, опасной для общества неспособности или в совершении уголовно наказуемых преступлений и требующую замены высшего руководства страны на этих основаниях.

Как показали исследования нашего института начала и середины нулевых годов, наличие или отсутствие в регионе административной конкуренции напрямую не влияет на экономический рост. Однако на экономический рост положительно влияет наличие свободных СМИ (заметно в начале нулевых, чуть менее значимо в их середине). Российские телеканалы с общественно-политическим контентом и подавляющее большинство печатных СМИ с общественно-политическим контентом убыточны, так как традиция просмотра платных каналов не сформировалась, а пресса стоит значительно дешевле, чем необходимо для самоокупаемости. Но даже если бы они были прибыльны, для частного бизнеса их содержание представляет собой значительные риски. В подавляющем большинстве регионов, где существуют конкурентные СМИ, они принадлежат конкурирующим административным кланам. Наиболее распространена ситуация, когда один медиахолдинг принадлежит мэру и его близким, а другой – губернатору и его близким (примеры такой ситуации дают Екатеринбург, Самара, Саратов, Дагестан и др., до 2008 г. – Ставрополь, до 2009 г. – Челябинск). При этом в принадлежащем мэру медиахолдинге можно прочесть правду о губернаторе, а в принадлежащем губернатору – о мэре; в сумме как гражданин-избиратель, так и предприниматель-инвестор получают необходимую информацию для принятия решений. Менее распространена ситуация, когда СМИ с точкой зрения, альтернативной губернаторской, принадлежат крупному бизнесу, находящемуся на территории региона (например, в Красноярске или Липецке). Возможное прекращение публичного противостояния между губернатором и мэром резко отрицательно сказывается на свободе СМИ в целом и на доступе граждан к информации (подобная ситуация произошла после примирения губернатора Свердловской области Э. Росселя с мэром Екатеринбурга А. Чернецким в середине нулевых или после разгрома федеральным правительством группы бывшего мэра Ставрополя Д. Кузьмина в 2008 г. в Ставропольском крае).

Конкуренция между различными влиятельными административными группами создает хорошую обстановку и для “малых партий”, для общественных организаций, а ее прекращение сказывается крайне негативно. В качестве примера можно привести ситуацию 2006–2007 гг. в Кировской области, когда крупный предприниматель О. Валенчук боролся за влияние с губернатором Н. Шаклеиным. Валенчук сумел провести в региональную легислатуру сразу несколько оппозиционных губернатору фракций – ЛДПР, Пенсионеров России и Аграрной партии России, а также ряд независимых депутатов-одномандатников. Однако впоследствии Валенчук обменял влияние в оппозиционных структурах на место руководителя региональной Единой России, и независимая общественная активность в регионе утасла.

Можно говорить о положительном значении конкуренции даже в таком российском регионе, где крайние формы власти, опирающейся на насилие, существуют уже два десятка лет, – в Чечне. В 1991 г. там произошел вооруженный мятеж против федерального правительства, который из-за своей слабости Центр не смог подавить, и в октябре 1991 г. были избраны “президент Ичкерии” и “парламент Ичкерии”³, существовавшие вне правового поля России. Впрочем, конституция Ичкерии была практически полностью переписана с российской и провозглашала ее светским демократическим государством с разделением властей, парламентом и Конституционным судом. Новый режим, в руководящих органах которого оказалось немало уголовников, особо не скрывал, что планировал жить за счет грабежа соседних территорий, а также изгнания и экспроприации русского населения республики. Тем не менее даже в столь экзотических условиях в течение двух лет в “Ичкерии” существовала специфическая демократическая этнократия, лишенная проявлений насилия по отношению к чеченскому населению (так, за эти годы не был убит ни один из каких-либо известных “ичкерийских политиков”, чего нельзя сказать о последующем). После того, как в июне 1993 г. Д. Дудаев распустил парламент и Конституционный суд, узурпировав власть, произошло резкое одичание “ичкерийского” режима и террор распространился на чеченское население.

³ Название Чечни, употребляемое сепаратистами в 1991–2006 гг.

В конце 1994 г. начались боевые действия федеральных войск против “Ичкерии”, однако в августе 1996 г. власть в республике после захвата Грозного и разгрома группировки федеральных войск в нем фактически вернулась к сепаратистам.

В январе–феврале 1997 г. были проведены еще одни выборы президента и парламента “Ичкерии”. А. Масхадов был избран президентом Чечни, набрав 59,3% голосов. Его основные соперники Ш. Басаев и и.о. президента Ичкерии З. Яндарбиев получили, соответственно, 23,5% и 10,1%. Впрочем, правительству Масхадова не удалось централизовать власть: реальной властью на местах по-прежнему обладали полевые командиры, большая часть которых не собиралась разоружаться и подчиняться правительству. Практически в каждом районе республики отряды боевиков сохранили свои структуры – штабы, военные базы, службы безопасности, тюрьмы, “джамааты”. Стало очевидно, что пост президента в “Ичкерии” мало что значит, а реальная власть принадлежит вооруженным формированиям, контролирующим конкретные районы. Тем не менее плюрализм мнений поддерживался – большинство глав вооруженных формирований обзавелись собственными кабельными телеканалами.

В августе 1999 г. руководство “Ичкерии” напало на территорию, контролируемую российским правительством, – Дагестан, что вызвало ответный удар и возобновление войны. К февралю 2000 г. все населенные пункты Чечни были взяты под контроль российскими войсками, часть лидеров сепаратистов во главе с муфтием Чечни А. Кадыровым перешли на сторону российских властей (осенью 2000 г. Кадыров был назначен Указом В. Путина “главой администрации Чеченской Республики”). При этом фактически вся инфраструктура республики была разрушена.

Летом 2000 г. были проведены довыборы в Государственную думу РФ от Чечни. Оказалось, что полностью разрушенная инфраструктура не мешает проведению практически свободных выборов: за бывшего народного депутата РСФСР А. Аслаханова проголосовали 30% избирателей, 20% – за лидера одного из религиозных кланов Ш. Дениева, еще трое кандидатов получили по 7–10% голосов.

В 2000–2003 гг., до проведения фактически безальтернативных выборов главы Чечни А. Кадырова (будто бы более 80% при явке якобы 86,8%), в Чечне существовал полиархический режим, основными центрами которого, кроме самого Кадырова, были назначаемые Москвой премьер-министр Чечни, мэр Грозного и главы администраций районов, руководители различных силовых структур (МВД Чечни, ФСБ, ОРБ-2 МВД, “Объединенной группировкой войск” – в основном, 58-й армией Министерства обороны, легализованные под видом формирований Минобороны и ФСБ частные армии семьи Ямадаевых, С.-М. Какиева, М. Байсарова и др.). Каждое из этих формирований обвинялось в нарушении прав человека, но тем не менее, жители Чечни могли выбирать, на какой “подведомственной” территории им находиться, в республике были независимые от Кадырова СМИ. Часто проводились массовые акции протеста (как правило, с требованием вернуть похищенных людей).

К 2003 г. А. Кадыров устранил из республики практически всех легальных оппонентов, сконцентрировал у себя право финансовой подписи и кадровых назначений на территории Чечни. В ходе избирательной кампании были закрыты симпатизировавшие Б. Гантамирову грозненское телевидение и газеты. Сформировался авторитарный режим, опирающийся на российские войска, с одной стороны, и на собственные вооруженные отряды – с другой. После гибели А. Кадырова в 2004 г. власть перешла к его сыну Р. Кадырову, который, фактически, распространил юрисдикцию своего режима не только на территорию Чечни, но и стал претендовать на контроль над чеченской диаспорой на всей территории России. Проведение федеральных выборов 2007–2008 гг. вылилось в Чечне в откровенный фарс с советскими результатами вроде “99,9%”.

К 2006 г. Кадыров сумел избавиться от всех политических оппонентов в Чечне, кроме семейства Ямадаевых, действовавших до конца 2008 г. под брендом “батальона Восток Министерства обороны РФ”. С того же 2006 г. по России и за рубежом начались убийства различных критиков Кадырова. В 2008–2009 г. были убиты братья Руслан и Сулим Ямадаевы, которые, кстати, контролировали последний не зависимый

от Кадырова частный кабельный канал (последняя независимая от Кадырова газета была закрыта еще в 2006 г., с уходом номинального “президента Чечни 2004–2006 гг.” Аслаханова, рассматривавшего возможность независимой политической карьеры, но так на нее и не решившегося). В 2009 г. после убийства Н. Эстемировой, в Чечне прекратила деятельность последняя независимая общественная организация – “Мемориал”. По иронии судьбы чеченский “Мемориал” стремился сосредоточиться на критике нарушений прав человека со стороны российских военных, а также конкурентов Кадырова – семейства Ямадаевых, но его деятельность была прекращена лишь после устранения Кадыровым всех легальных оппонентов в Чечне.

Российские власти любят говорить о безальтернативности кадыровского тоталитарного режима в Чечне, за время существования которого, кстати, проблема терроризма не только не решилась, но и перекинулась на соседние регионы. Однако можно отметить, что за последние два десятилетия – как во времена “Ичкерии”, так и под российским контролем – на территории Чечни существовала благотворно влияющая на институты административная конкуренция, в отдельные моменты (лето 2000 г.) даже приобретающая характер цивилизованной политической конкуренции.

Вернемся, однако, от частных примеров к описываемым теорией классическим случаям прямой вооруженной конфронтации коалиций “бандитов”. Борьба против безусловного доминирования одного “бандита” коалицией пострадавших от его произвола богатых и сильных игроков была рутинным делом в Европе времен Средневековья, Возрождения и более поздние. Могла ли она привести к становлению институтов, универсально и постоянно ограничивающих власть в пользу личности? В упомянутой выше статье [Яновский, Жаворонков, Затковецкий, 2007] рассматривалась модель и стратегии “бандитов” при меняющемся соотношении сил. Для рассмотренных там ситуаций неравновесия было показано, что “бандиты” могут быть сами заинтересованы в применении демократических механизмов для укрепления контроля над населением. При этом уровень насилия растет, законности – снижается. Однако там же отмечалось, что в случае равновесия сил у “бандитов” может возникнуть стимул договариваться об ограничении насилия.

Модель генерации “общественного договора”

Рассмотрим простой пример взаимодействия двух игроков.

1. Два игрока борются за власть в стране. Они практически поровну поделили все ресурсы этой страны и максимизируют свою функцию полезности от потребления (C) и власти (P) $= U(C, P) = C + aP$, где a – коэффициент в функции полезности, обозначающий, во сколько игрок ценит абсолютную власть в терминах единиц потребления.

Благосостояние каждого игрока w_i , где $i \in [0, 1]$, и может быть распределено между потреблением (C_i) и военными расходами (M_i), где власть $P_i = w_i/W$ – доля от общего благосостояния (W), контролируемая игроком. Игроки могут пытаться завоевать друг друга. Результат конфликта определяется величиной военных расходов, которые несет каждый игрок и “военными технологиями”. В случае конфликта, если военные расходы одного из игроков выше военных расходов другого игрока на величину Δ – то благосостояние победителя увеличивается на величину благосостояния проигравшего. Δ описывает военные технологии. Положительное Δ отражает факт, что у защищающегося есть некоторые преимущества перед нападающим, и нападающему для победы требуется больше ресурсов, чем есть у защищающегося на величину Δ .

При этом в случае конфликта полезность победителя будет равна $U(C_W, P_W)$, $C_W = C_1 + C_2$; $P = 1$ (общему потреблению и полной власти). У побежденного $U(C_L, P_L)$ $C_L = 0$; $P_L = 0$ (нулевому потреблению и нулевой власти).

Вариант 1. Баланс сил двух крупных игроков.

Пусть первоначально оба игрока поровну разделяют все благосостояние: $w_1 = w_2 = w$; $W = 2w$; $P = 0,5$.

В ситуации, когда все богатство тратится на военные расходы, $M = w$; $C = 0$; $U_i = a \times P = a/2$.

При этом у каждого игрока есть стимул сократить военные расходы до уровня $w - \Delta$, увеличить потребление до уровня Δ .

Другая крайность – в случае нулевых военных расходов: $U_i = w + a/2$.

И есть стимул увеличения военных расходов до уровня Δ с целью завоевания противника и получения $U_i = 2w - \Delta + a$.

Определим ситуацию, в которой игрок будет безразличен между стратегией напасть (то есть увеличить военные расходы на Δ) или не нападать: $U = w - m + a/2$.

$U = 2(w - m) - \Delta + a$ – полезность в случае нападения на равного по военным расходам противника:

$$w - m + a/2 = 2(w - m) - \Delta + a$$

$$w - m = \Delta - a/2$$

$$m = w - \Delta + a/2,$$

(1)

то есть каждый игрок вынужден нести военные расходы на таком уровне, чтобы другому не было выгодно начинать войну. Каждый из игроков выигрывал бы от сокращения военных расходов – однако не может себе этого позволить, так как у соперника появляются стимулы к нападению.

В случае если нет никаких преимуществ у защищающегося перед нападающим (то есть $\Delta = 0$) и игроков интересует только потребление, а не власть (то есть $a = 0$), то игра сводится к классической “войне на истощение”. В классической однопериодной игре “войны на истощение” отсутствует доминирующая стратегия [Smith, 1974; Bishop, Cannings, Smith, 1978].

Ведь если игроков не интересует власть ($a = 0$) и нет никаких преимуществ у защищающегося, то оптимальный уровень военных расходов будет на уровне всех имеющихся ресурсов ($m = w$). При $a = 0$ и $m_i = w_i$, каждый из игроков будет получать 0-ю ожидаемую полезность. Стратегия “потратить все ресурсы на войну” ($m_i = w_i$), с точки зрения ожидаемой полезности, будет эквивалентна стратегии потратить любое другое количество ресурсов на военные расходы и проиграть ($m_i < w_i$).

Вариант 2а. Баланс сил двух крупных игроков плюс третий “распределенный” игрок с высокими издержками координации.

Изменим условия игры: наряду с двумя игроками – “бандитами”, поделившими практически поровну значительную часть всех ресурсов страны, существует масса других участников. Ресурсы каждого из них несопоставимо малы по сравнению с ресурсами двух претендентов на власть. Однако совокупные ресурсы (W_3) больше чем у обоих вместе взятых⁴. Если каким-то образом из двух сильных игроков остается один, третьи игроки, не тратят сколько-нибудь значительные ресурсы на самозащиту. Каждый из них слишком слаб, а издержки на координацию (C) могут быть сопоставимы со всем их имуществом. Если издержки координации C , а P – вероятность отъема имущества бандитом, то в случае $pW_3 < C$ не остается стимулов оказывать сопротивление и нести издержки координации, превышающие ожидаемые потери.

И если каждый из игроков ожидает отъема имущества единственным оставшимся “бандитом” с вероятностью существенно ниже единицы, а издержки координации оценивает близко к максимальному уровню смысл сопротивляться (вкладывать в самооборону) исчезает. Тогда часть имущества (W_3) мелких игроков становится призом в борьбе двух “бандитов”, что увеличивает стимулы к инвестированию дополнительных ресурсов в военные расходы. Они тратят на войну все свои ресурсы до тех пор, пока очевидно, что разница между военными потенциалами не может превысить Δ .

Вариант 2б. Баланс сил двух крупных игроков плюс третий игрок с низкими издержками координации.

⁴ Как при существовании слоя свободных и вооруженных крестьян или горожан во многих странах средневековой Европы. Потенциальным участником коалиции третьей силы могли быть и феодалы, не связанные с основными соперничающими игроками.

Что изменится, если мелкие игроки в силу неких обстоятельств сумели резко снизить издержки самоорганизации и/или повышают свои оценки вероятности отъема имущества? ($pW_3 > C$). Тогда у них появляется стимул вкладываться в самооборону, и в случае победы одного из первых двух крупных игроков ожидаемые потери третьих превышают издержки организации, и появляются стимулы нести военные расходы (M_3) вплоть до уровня $M_3 = pW_3 - C$. В результате появляется “третий” игрок. Однако “технически” этот игрок, функция полезности которого включает в себя только потребление, не обладает способностью выступать в роли нападающей стороны.

Рассмотрим конфликт, при котором третья сила встает на сторону, противоположную нападающему (то есть появляется договор, становящийся частью механизма координации усилий микроигроков, каждый из которых ничтожно мал и слаб по сравнению с каждым из двух крупных игроков). Тогда минимальное военное превосходство, необходимое для победы увеличивается на величину M_3 . И равновесная ситуация, при которой нападение безразлично ненападению, описывается как $m = w - (\Delta + M_3) + a/2$.

И если третий игрок высоко оценивает вероятность (P) того, что в случае победы агрессора он нападёт на “него”, то величина военных расходов M_3 может создать ситуацию, когда никому из двух крупных игроков не будет выгодно первому нападать, так как после вступления на стороне второго крупной третьей силы нападавший заведомо проигрывает. В ситуации, если между “бандитами” наблюдается устойчивое симметричное равновесие, третьему игроку нет необходимости сокращать потребление, увеличивая военные расходы. В ситуации неравновесной третий игрок будет заинтересован в равновесии двух других игроков. При отсутствии баланса сил крупных игроков в ситуации, когда W_1, W_2 , такие что $W_1 \neq W_2$, равновесие будет возможным при минимальном военном преимуществе $\Delta + M_3 = f(W_1, W_2, a)$.

Третья сторона вынуждена нести военные расходы (M_3), чтобы предотвратить ситуацию доминирования одного из игроков при нападении на ослабленного врага. Стремясь ограничить свои расходы, два игрока заключают такой договор с участием третьих, который наделяет всех, в том числе третьих игроков, определенными привилегиями (правами) и заинтересовывает выступить в защиту договора против любого нарушителя. Если кроме договора существуют еще некоторые дополнительные механизмы координации действий мелких игроков, то при нарушении равновесия сил между двумя сильными игроками они быстро объединяются в мощного третьего игрока, не способного к самостоятельной атаке, но способного в союзе с любым из двух игроков составить выигрывающую коалицию. Тогда рано или поздно баланс нарушается с высокой вероятностью консолидации мелких игроков в альянс со слабейшим игроком для предотвращения силовой монополии сильнейшего и потери как своих прав по договору, так и всего имущества, часть из которого есть смысл потратить на оборону.

Ситуация, которая может быть описана данной моделью, регулярно воспроизводилась в истории. Вспомним, как вооруженная борьба дворян и купцов Нидерландов против короля Испании привела к становлению первого по времени режима с устойчивыми конституционными ограничениями, наложенными на власть. Это событие оказало впоследствии воздействие и на становление такого режима в Англии (“Славная революция” 1688 г. с приглашением Вильгельма Оранского). Похожие ситуации неоднократно наблюдались и гораздо позднее, например в Латинской Америке (в Аргентине, в Уругвае).

Замещение отсутствующего третьего. Рассмотрим вполне распространенную в отсталых странах ситуацию. Львиную долю ресурсов, включая военные, контролируют немногочисленные армии конкурирующих “бандитов”. Это значит, что возможности консолидации мощного третьего игрока, способного предотвращать нарушение баланса, не существует. Зато существует стимул к иностранному вмешательству – для предотвращения террористической угрозы со стороны “рухнувших государств”, на чьей территории хозяйничают такого рода “бандиты” (Сомали, Эритрея, Афганистан, отчасти – Йемен) и где приход финансово мощной иностранной террористической банды может приветствоваться “бандитами” или, по крайней мере, одним из них.

Угроза сплочения против чужака реальна, если чужак не выглядит достаточно сильным и решительным. Если продолжать наказывать офицеров за “избыточное применение силы”, стимулировать взаимное доноительство как двигатель карьеры и т.п., такой вариант действительно неприменим. Если все игроки знают, что внешняя сила непреклонна, стимул противостоять ей подрывается. Кроме того, речь идет о случае отсутствия слоя “мелких свободных вооруженных собственников”. Мнение же “полевых командиров”, как показывает опыт Афганистана, в том числе 2001 г., – чрезвычайно гибко и является функцией мощи и решимости сил вторжения.

Опыт “разделяй и властвуй”, то есть игра на противоречиях между игроками, практиковался вплоть до XX в. Британской империей. Однако задача подготовки местного населения к самоуправлению в течение неопределенно длительного (хотя в принципе конечного) периода английскими властями никогда всерьез не ставилась. Население либо было готово к самоуправлению (по модели Асемоглу [Acemoglu, Johnson, Robinson, 2001] – в силу отсутствия болезней, выкашивающих население европейского происхождения, более или менее готового к самоуправлению и без специальных мер), либо не было готово. Мандаты Лиги Наций⁵ в некоторых случаях напрямую обязывали державу, получающую мандат на управление территорией, подготовить население к самоуправлению. Результаты оказались более чем скромными и слабо отличались от ситуаций в обычных колониях. Если же сравнивать качество самоуправления подмандатных территорий с английскими доминионами XIX в., сравнение, конечно, будет не в пользу первых. Как правило, власть просто передавалась местным лидерам, способным осуществлять контроль над территорией. Там, где население было готово к какой-то форме самоуправления, оно возникло (Израиль на отвоеванной части подмандатной Палестины). Самым близким к модели генерации правовой демократии на основе долгосрочной конкуренции “бандитов” примером является Ливан. Страна была под французским мандатом. Население и элита расколоты по религиозному признаку на несколько крупных христианских общин, мусульман – суннитов и шиитов. Есть также заметная община друзов. Однако при объяснении временных успехов в самоуправлении в Ливане нельзя отбросить версию о том, что христианское население было изначально к нему готово. Французская администрация опиралась на крупнейшую из христианских общин – маронитов. Однако, как только в независимом Ливане христианское большинство растаяло вместе с решимостью этой общины силой защищать свой статус, страна погрузилась в хаос.

Окончательный исход этого противостояния в Ливане был связан с односторонним отказом от своих обязательств перед христианскими партнерами правительства Израиля в 2000 г. Наличие внешнего арбитра, способного превосходящей военной силой вмешаться в конфликт с минимальными для себя издержками, в данном случае, неоднократно стабилизировало ситуацию. Однако требуется, очевидно, исторически весьма продолжительный период, чтобы такое равновесие “сгенерировало” устойчивые без внешней поддержки институты. Версия о том, что свободная страна может, вмешиваясь в целях обеспечения собственной безопасности в дела страны с рухнувшим государством, поддерживать там приемлемый и для себя и для жителей этой страны баланс сил до укоренения там институтов ограниченной, конституционной власти, также не может быть отброшена. Однако высокие издержки подобного вмешательства отчасти объясняют дефицит воли к осуществлению таких проектов.

В пользу этой же версии работает факт заметного влияния ведущих западных держав – гарантов по кредитам СССР в 1986–1991 гг. на внутреннюю политику властей [Гайдар, 2006]. Умеренного давления оказалось достаточно, чтобы предотвратить применение силы против оппозиции в своей стране и в странах Советского блока последним коммунистическим правительством. То есть при определенных обстоятельствах

⁵ Под управление Великобритании и Франции были переданы бывшие колонии побежденной в Первой мировой войне Германии и часть утраченных Турецкой империей территорий (см., к примеру, [Lansing, 2003, Ch. XIII “The System of Mandates”]).

(глубокий экономический кризис) внешнее давление оказывается эффективным для уравнивания сил даже внутри мощнейшей в военном отношении империи.

* * *

Мы не обладаем надежными подтверждениями гипотезы о возможности выстраивания конституционного договора как результата долговременного (воспроизводящегося) конфликта внутри элиты в наши дни. Однако предположение о наличии и значимости стимулов ограничения власти при таком конфликте представляется обоснованным. В наше время наблюдаемы, как минимум, отдельные проявления (конкуренция на медиарынке, реальная политическая конкуренция на выборах) политико-правовых ограничений власти, обусловленные таким конфликтом. Даже в условиях отсутствия глубокого раскола в элите колониальных властям (в Индии) или оккупационным (в Японии, Германии) удавалось навязывать определенные институты, в том числе обеспечивающие смену власти в результате выборов и медиаконкуренцию. По всей видимости, не могут быть отброшены гипотезы о том, что:

– экспорт институтов правовой демократии при наличии долгосрочного раскола элиты облегчается;

– феномен воспроизводства равных по силе коалиций, борющихся за монопольную власть с применением насилия, делает возможным “прорастание” таких институтов, как фактора устойчивого равновесного решения конфликта (хотя и в весьма долгосрочной перспективе), тут оказываются лишними целенаправленные усилия по экспорту институтов. Шансы на такой сценарий существенно возрастают при наличии хотя бы потенциальной “третьей” стороны, не вовлеченной в конфликт, заинтересованной в сохранении баланса и способной соответствующим образом изменить соотношение сил в случае, если баланс нарушился.

Такой долгосрочный подход к поддержке старыми демократиями демократических институтов в Ираке⁶ был бы, как представляется, куда менее искусственным, нежели выбранная руководством США стратегия.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гайдар Е.Т.* Гибель империи. Уроки для современной России. М., 2006.
Даль Р. О демократии. М., 2000.
Тилли Ч. Демократия. М., 2007.
Яновский К.Э., Жаворонков С.В., Затковецкий И. Демократия как средство тушения пожара // Общественные науки и современность. 2007. № 2.
Acemoglu D., Johnson S., Robinson J. The Colonial Origins of Comparative Development: an Empirical Investigation // American Economic Review. December 2001. Vol. 91.
Acemoglu D., Robertson J.A. Economic Origins of Dictatorship and Democracy. Cambridge, 2006.
Bishop D.T., Cannings C., Smith M.J. The War of Attrition with Random Rewards // Journal of Theoretical Biology. 1978. Vol. 74.
Dahl R.A. Polyarchy: Participation and Opposition. New Haven, 1972.
Lansing R. The Peace Negotiations. December 13, 2003 [eBook #10444] (<http://www.gutenberg.org/files/10444/10444-8.txt>).
North D.C. Understanding the Process of Economic Change. Princeton, 2005.
North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. Violence and Social Order. Cambridge (Mass.), 2009.
Olson M. Power and Prosperity. New York, 2000.
Smith M.J. Theory of Games and the Evolution of Animal Contests // Journal of Theoretical Biology. 1974. Vol. 47.

© К. Яновский, С. Жаворонков, С. Шульгин, 2011

⁶ В принципе, при наличии ресурсов и политической воли, подобный подход мог бы ограничивать насилие и в других странах, с глубоким расколом населения и элиты. Из наших соседей наиболее очевидным примером выглядит Киргизия.